КОНВОЙНАЯ КОМАНДА.

На Черномъ морѣ, супротивъ Очакова, есть островъ Ада, который укрѣпляли батареями и въ работѣ этой были Кинбурнскіе крѣпостные арестанты. Ихъ отвезли на островъ на баркасѣ. Пришло время отдыха; день жаркій, конвойные утомились и расчитывая на то, что арестантамъ съ острова бѣжать некуда, крѣпко оплошали. Арестанты, сговорившись, вдругъ кинулись на баркасъ, столкнувъ съ него двухъ или трехъ сонныхъ гребцовъ, ухватили весла и отвалили, прежде чѣмъ конвойные успѣли сбѣжаться.

Кромѣ баркаса этого не было вблизи гребнаго судна; бѣдные матросы съ крикомъ бѣжали по берегу, провожая бѣглецовъ, какъ насѣдка, высидѣвшая утятъ: утята въ воду, а она караулъ кричать; метались туда, сюда — вдругъ одинъ наткнулся на душегубку, на не большую долбушку, которая съ трудомъ могла поднять двухъ человѣкъ. Не долго думавъ, махнулъ онъ унтеру, да захвативъ

по лишнему ружью, оба кинулись въ лодченку и пустились въ погоню.

Баркасъ на ходу конечно былъ по тяжелѣ этого корытца и его скоро нагнали; на счастье погода была тиха. Одинъ правилъ и гребъ, другой, окликавъ бѣглецовъ, чтобъ гребли назадъ, за ружье, да пустилъ пулю по головамъ; да за другое ружье, да опять таки по головамъ. Арестанты видятъ, что дѣло плохо, закричали въ голосъ: топи ихъ, держи прямо на нихъ! Такъ подъ нашими конвойными душегубка увертлива, а весельце отъ рукъ не отбивается; увертываясь да увиваясь, около баркаса они знай заряжаютъ да попаливаютъ, чуть не въ припоръ, безъ промаха.

Арестанты видятъ что некуда дѣваться, взмолились о пощадѣ. Двое конвойныхъ заставили ихъ грести назадъ, къ острову, а сами строго провожали ихъ, зарядивъ напередъ ружья.

Такимъ образомъ они всѣхъ арестантовъ своихъ благополучно поставили на мѣсто; правда, половину только живыхъ, а на

половину перебитыхъ; но за это ихъ не обвинилъ ни кто; они вѣрно и славно исполнили долгъ свой и присягу.

Находчивость и расторопность двухъ человѣкъ спасла отъ большой бѣды и отвѣта цѣлую команду. Честь имъ и хвала.